

ОЗЕРЯНСКИЙ И. В.

МЕЖДУ СТРОК

Илья Озерянский

Между строк

<https://litres.ru/74569174>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре года назад школьная любовь Тани потерпела крах — одно равнодушное сообщение перечеркнуло все робкие надежды, и мир на миг стал слишком тихим. Она не сломалась: научилась держать лицо, отвечать «нормально» и не ждать ничего взамен. Рядом были сестра Света и компания Стаса — «спасатели заблудших душ»: люди, для которых «не скучно» звучит и как обещание, и как предупреждение. Дружба, что держится на общей боли и тихом «я рядом», когда слова уже не помогают.

А потом — берег пруда, дым мангала, звон рюмок. И Костя, который смотрит на неё и искренне говорит: «Очень приятно». Он не узнаёт её. И Таня вдруг понимает: второй шанс не так уж и плох. Не как возвращение в прошлое, а как новый путь — без обид, без ожиданий, просто два человека, которым сейчас хорошо сидеть рядом.

История о том, как школьная любовь потерпела крах, но не с концами — и как из осколков можно собрать что-то новое. О том, что второй шанс — это не про «как раньше», а про «лучше, чем раньше».

Содержание

От автора!!!	4
Начало.	6
Ссора заставшая Таню впервые за несколько лет, грустить.	11
Предновогодня суета	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Илья Озерянский

Между строк

От автора!!!

Фанфик — это способ побыть чуть дольше с героями, которых уже любишь. Эта история не раскрывает главные повороты моих книг, но шепчет о них между строк. Она про Костю и Таню: как всё начиналось, про ту самую неловкость, когда каждое слово звучит слишком громко, и про то, как одно чужое «нет» может отозваться в сердце на годы вперёд.

И здесь есть немного про Свету — про её первое, совсем короткое знакомство со Стасом. Стас выходит и забывает. А Света не может. В этой несправедливости столько жизни, что она становится отдельной правдой её характера: тихой, упрямой, настоящей. Уже в этой сцене видно, как сильно она умеет чувствовать: для неё даже крошечный момент становится важным, потому что она смотрит на мир чуть внимательнее, чем все остальные.

Контраст здесь не про драму, а про разницу в восприятии: для одного это просто эпизод, для другой — начало целой истории. И пусть я не показываю, куда эта история приведёт, но уже сейчас можно почувствовать, как в Свете рождается эта особая верность: она помнит то, что другим не запомни-

лось.

Он прошёл мимо и не оглянулся. А она запомнила каждую деталь этого мига — и с этого началось её долгое, тихое ожидание.

Спасибо, что читаете. Пусть эти страницы станут для вас отдельной дорогой, которая где-то пересекается с большой дорогой основного сюжета. Пусть контраст между «забыл» и «не может забыть» прозвучит тихо, но точно — как та самая пауза между словами, которая иногда говорит больше, чем любые признания.

В книге присутствуют сцены употребления алкоголя. Злоупотребление алкоголем вредно для здоровья.

Все персонажи и события в книге являются плодом воображения автора, все совпадения с реальной жизнью случайны.

Начало.

Осень началась очень быстро. Все лето Таня пыталась не думать о новом учебном годе, но экзамены которые ее ждали иногда не давали спокойно отдохнуть, вызывая тревожность. Она не была отличницей, но поставила себе цель сдать экзамены как можно лучше.

Первое сентября началось с тяжелого подъема в шесть утра, 9-ый класс как никак. Таня не любила ранние подъемы, но еще больше она не любила выглядеть «обычно» в те дни когда на нее обращенно очень много внимания. Искупалась она быстро, быстрее даже чем обычно. Ну вот красилась дольше. Когда Таня закончила макияж в ее дверь тихонько постучались.

На пороге стоял высокий мужчина со спортивным телосложением, но одетый в обычную рубашку из под которой можно разглядеть его рельеф только долго всматриваясь на мужчину.

— Таня, доброе утро. Пора завтракать и выезжать. - сказал мужчина заботливым голосом. И вышел в коридор

Девушка убрала свои средства ухода в ящик, оделась и не спеша пошла на первый этаж где ее уже заботливо ждал завтрак.

Таня спустилась по лестнице, цепляясь взглядом за привычные детали: старую фотографию в рамке на стене, где она

ещё с косичками, чуть скрипучую третью ступеньку, на которую все давно привыкли не наступать, и кружку с надписью «Лучший кофе в мире», которую папа каждый сентябрь ставил на стол специально для неё.

— Садись, — папа подвинул ей тарелку и сел напротив, привычно проверяя что-то в телефоне, но тут же откладывая его в сторону, как только Таня села. — Ты опять не спала полночи? Глаза красные.

Таня пожала плечами, стараясь выглядеть спокойнее, чем чувствовала себя:

— Просто не хотела, чтоб лето заканчивалось.

Папа помолчал, потом тихо сказал:

— Ты же понимаешь, что время никак не остановить? А чтоб осень прошла быстрее и легче нужно выспаться, так и новая информация запоминается лучше.

Таня улыбнулась краешком губ — не потому что тревога вдруг исчезла, а потому что от этих слов становилось чуть легче.

— Спасибо, пап.

Он кивнул, будто принимая эту благодарность как что-то очень важное, и подвинул к ней кружку.

Таня допила чай и поставила кружку на стол.— Готова? — папа поднялся первым, привычно накинул куртку и подождал, пока она соберёт рюкзак.

Таня кивнула, хотя внутри всё поджималось. Не от экзаменов — они были где-то там, в будущем, как тёмная туча на

горизонте. А от сегодняшнего: от новых списков, от классного часа, от того, что надо улыбаться и делать вид, что ты точно знаешь, куда идёшь.

На улице пахло осенью по-настоящему: мокрыми листьями, дождём, который закончился ещё ночью, и чем-то школьным, почти забытым за лето — будто даже воздух здесь был другим, строгим и собранным.

Школа встретила их шумом и суетой. У входа вился хороший вод из девятиклассников: кто-то громко смеялся, кто-то пытался выглядеть взрослым и спокойным, а кто-то, как Таня, старался просто не споткнуться на ступеньках.

Она остановилась на ступеньках и тут заметила его. Новенького, который стоял у дверей, теребил лямку рюкзака и смотрел куда-то в сторону, будто хотел исчезнуть.

Он поднял глаза, будто почувствовал её взгляд, и неловко улыбнулся:

— Привет. Кажется, мы в одном классе. Я Костя.

Девушка посмотрела на него оценивающим взглядом, потом ответила.

— Таня. Да, в одном. Если хочешь, могу показать, где наш кабинет. Тут легко запутаться: коридоры как лабиринт.

Костя выдохнул, будто с плеч свалился тяжёлый рюкзак.

— Было бы здорово. Я уже три раза обошёл крыло и всё равно не понимаю, где что.

Они пошли по коридору, и Таня вдруг поймала себя на том, что говорит чуть быстрее обычного — рассказывает про

расписание, про учительскую, про то, что в столовой лучше не брать котлеты по понедельникам. Костя кивал, слушал, иногда вставлял короткие «ага» или «понятно», и от этого становилось не так страшно. Они остановились у кабинета. Внутри уже шумели, стулья двигали, кто-то кричал: «Садись сюда!» Таня хотела просто кивнуть и уйти внутрь, раствориться в толпе. Но Костя вдруг тихо сказал:

— Спасибо. Без тебя я бы до обеда искал этот кабинет.

И Таня улыбнулась. По-настоящему, без усилия.

— Не за что. Тут все сначала теряются. Потом привыкаешь.

В этот момент из класса выглянула подруга Тани и махнула рукой:

— Цветкова, заходи, я уже парту нам выбрала! А это кто? - девушка внимательно посмотрела на того, кто шел следом за ее подругой. Стройный высокий брюнет с карими глазами, с доброй улыбкой. Взгляд взрослый, но все равно волнующийся, словно боялся, что его не примут в новой школе.

— Привет Лена. - Таня обняла подругу и почувствовала, как тепло разливается по ее телу. И впервые за это утро ей показалось, что этот год может быть не про страх, а про что-то другое. - это Константин, он новенький.

— Новенький значит... - Лена улыбнулась белоснежной улыбкой и протянула руку парню. - очень приятно, я Лена, староста в этом классе - девушка обвела руками весь класс. Ты что такой замкнутый? Мы все доброжелательные

тут. Проходи, можешь сесть позади нас. Наша парта первая в среднем ряду.

Лена схватила Таню за руку и зашла с ней в класс. Костя последовал за ними.

Ссора заставшая Таню впервые за несколько лет, грустить.

Зима подкралась незаметно. За три месяца Таня так крепко сдружилась с Костей, а он — с её друзьями, что со стороны казалось, будто они знакомы не три месяца, а несколько лет.

Костя уже не раз становился свидетелем Таниных срывов, когда тревога накатывала волной и смывала всё спокойствие. Однажды он не выдержал: резко попрощался и пропал на несколько дней. Это в крайний день перед зимними каникулами.

День начинался как самый обычный. Таня влетела в класс с опозданием, на ходу поправляя рюкзак, и первым делом окинула взглядом парты. Костя не смотрел в её сторону — он уткнулся в конспект, будто весь мир сузился до одной страницы. Таня замерла на секунду, а потом, увидев свободное место позади него, молча прошла мимо его парты и села сзади.

— И как это понимать? — Костя оглянулся, в голосе скользнуло недоумение.

— Я пришла учиться, а не общаться с тобой, — выпалила Таня, грубо переиначив те самые слова, которые утром бросил ей Костя, когда устал ждать около школы.

— Вот это... ничего себе, — удивлённо протянул Костя и

тут же, будто пытаюсь удержать равновесие, начал оправдываться:

— Нам осталось пять месяцев до экзаменов, а я и текущие темы еле тяну, не говоря уже о том, чтобы старые повторять...

— Знаешь... — начала Таня громче, чем собиралась, голос дрожал от обиды.

— Так, Цветкова и Никифоров! Тишину поймали! — резко оборвала учительница, хлопнув ладонью по столу.

— Эта тема будет на экзамене. И если бы я была на вашем месте с такими оценками, я бы не отрывала глаз от учебника!

В классе повисла звенящая тишина. Таня вжала голову в плечи, уставившись в тетрадь, будто там был ответ на всё. Костя медленно отвернулся, снова уткнулся в конспект — но теперь в его позе не было спокойствия, только напряжённые плечи и пальцы, крепко сжимающие ручку.

Остаток урока тянулся, как резина. Таня пыталась читать строчку, но буквы сливались в серую кашу. Она искоса глянула на Костю: он делал вид, что пишет, но движения были резкими, будто он не выводил буквы, а царапал ими бумагу. Каждый его вздох, каждый скрип ручки отдавался внутри Тани колючим уколом. Хотелось крикнуть: «Прости, я не хотела», но гордость держала рот на замке, а обида шептала: «Пусть сам поймёт, как это больно — когда тебя будто стирают из списка важных».

Константин ни разу не обернулся. Ни когда учительница

вызывала к доске, ни когда класс зашумел на перемене. Он собрал вещи так быстро, что Таня не успела даже открыть рот. Только когда он уже встал, она всё-таки выдавила:

— Костя... — Он замер у прохода, но не повернулся.

— Не надо, — коротко бросил он, не глядя на неё. — Если тебе сегодня не до меня — окей. Но не надо делать из этого оружие.

И вышел, оставив за собой холодную пустоту. Таня осталась сидеть, чувствуя, как к глазам подступают слёзы, но не позволяя им пролиться. Рядом зашептались девчонки, кто-то тронул её за плечо, но она только мотнула головой: «Всё нормально». На перемене она не пошла в столовую, не пошла к друзьям. Просто стояла у окна в пустом коридоре, глядя, как по стеклу стекает капли дождя, смешанные со снегом. Город казался чужим, будто она вдруг стала в нём лишней.

Время будто застыло. Минуты ползли, тяжёлые и липкие, как остывший клей. Таня смотрела на капли, считала их, чтобы не думать, чтобы не вспоминать его «не надо». В груди разрасталась тугая, злая пустота: она хотела, чтобы он вернулся, хотел, чтобы сам подошёл и сказал хоть что-то, даже грубое. Но коридор оставался пустым.

А когда дверь наконец распахнулась, Таня вздрогнула, готовая увидеть его. Но это был не Костя. Какой-то мальчишка из параллельного класса промчался мимо, громко хлопнув дверью, и снова стало тихо.

Эта тишина теперь была не просто отсутствием звуков —

она была стеной. Высокой, ледяной, которую ни обойти, ни перепрыгнуть. Таня сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы удержать внутри всё, что рвалось наружу.

Так прошли последние уроки в этой четверти. Костя внимательно слушал учителей, а Таня сидела сзади него с грустным лицом. Когда прозвенел последний звонок в этой четверти, Константин собрал вещи и не обращая внимание на Таню вышел из класса, Таня хотел крикнуть ему, попросить подождать пока она допишет, чтоб потом все спокойно обсудить.

— Костя... — крикнула она

Парень остановился, но не обернулся. Он ждал извинения со стороны Тани.

— Подожди меня!

И ничего кроме этого. Не «извини», не «я была не права, давай все обсудим», просто спокойное и бездушное «Подожди меня». Даже не попросила, а просто поставила перед фактом, что ее нужно подождать, словно они и не ссорились.

Костя ничего не ответил и молча вышел в коридор.

Таня не ожидала подвоха и продолжила решать последние уравнения, как закончила быстро собрала вещи и выбежала в коридор, но в нем было пусто. Рядом прошла Лена с прекрасной улыбкой на лице и девушка схватила ее за руку.

— Лен, ты Никифорова не видела?

— Видела, минут пять назад. Он выходил из раздевалки, пожелал хороших каникул и ушел. Я еще подумала, спешит

куда-то, раз тебя не стал ждать. — Лена увидела едва заметную слезу на щеке подруги и продолжила — Что-то случилось? Ты опять психанула из-за мелочи?

— Да нет, все хорошо. — Таня смахнула рукавом слезу с щеки. — Хороших каникул. Ночью с 31-го на 1-ое все в силе?

— Да. После часа ночи жду вас всех у себя. Может тебя подвести? Погода мерзкая, а маме как раз нужно в вашу сторону.

— Нет, спасибо, за мной сейчас отец приедет — соврала Таня подруге, не со злости, а просто потому что хотела пройтись пешком и все обдумать, да и идти не долго.

— Как знаешь, тогда до встречи завтра. Ты же помнишь, что мы вместе идем закупаться? А и еще, если приедет твоя сестра, то не надо как в прошлом году. У тебя всегда плюс два. Да и я хочу с ней получше познакомиться, а то знаю ее только по твоим рассказам.

— В этом году мне не понадобится плюс два — Таня улыбнулась. — Хорошо, но Света очень застенчивая, поэтому если она согласится, то мы будем. До завтра моя хорошая.

Лена ушла к иномарке в которой ее уже ждала симпатичная женщина. Таня проводила их взглядом и пошла в сторону своего дома.

Дорога до дома шла через знакомый маршрут: мимо ко-

фейни, где пахло кофе и выпечкой, мимо старой остановки с облупившейся краской, мимо двора, где мальчишки лепили снеговиков и играли в снежки. Снег уже не падал, но воздух был колючим, и Таня куталась в шарф, втягивая голову в воротник.

И вдруг среди этой привычной суеты злость и обида, которые весь день сжимали грудь тугой пружиной, начали понемногу отпускать. Каждый шаг будто стряхивал с неё тяжесть: раз — и стало чуть легче дышать, два — и слова, сказанные в классе, уже не казались такими окончательными, три — и они вообще будто растворились в шуме города.

Таня поймала себя на том, что думает не про Костю, не про ссору. Она думала про Новый год. Про то, как в их доме пахнет мандаринами и хвоей, как папа достаёт коробку с гирляндами, а мама ворчит, что опять запутались все провода, но улыбается, пока распутывает. Про то, что в этом году она обязательно попросит у Деда Мороза не какую-то вещь, а чтобы этот год был чуть спокойнее, чтобы тревога не накачивала так резко.

Когда Таня зашла домой, в прихожей пахло горячим чаем и знакомыми с самого детства духами — чуть сладковатыми, с ноткой ванили. Из кухни выглянула Света: зелёные глаза, рыжие волосы, и улыбка такая, что даже самый тяжёлый день будто чуть светлел.

— Ну, как день? Сложные темы разбирали? — спросила она, будто ничего особенного, будто она каждый день вот так

встречает Таню после школы.

У Тани взгляд сразу засверкал, и она, не сняв даже куртку, рванула к сестре.

— Светка, привет! Я так соскучилась! — Таня обняла её так крепко, словно они не виделись несколько лет, хотя прошёл всего месяц с их последней встречи.

Света рассмеялась, обняла в ответ, чуть взъерошила Тане волосы — так по-сестрински, без церемоний.

— Ты как будто целый год не видела меня, — поддразнила она, но тут же, будто почувствовав, что Таня держится из последних сил, чуть сбавила тон. — Эй, ты чего? Глаза такие, будто на тебя всю тяжесть мира свалили. Рассказывай.

Таня на секунду замерла, прижавшись к сестре, и вдруг почувствовала, как внутри что-то тихо щёлкает и становится чуть легче. Света хоть и в восьмом, а умеет так слушать, что не хочется казаться сильной.

— День был... такой, — наконец пробормотала Таня, чуть отстраняясь, но не выпуская сестру из рук. — Я опять всё испортила. С Костей поссорилась. Опять сорвалась, сказала что-то резкое, а он... даже не стал ничего выяснять. Просто ушёл.

Света не стала сыпать советами вроде «помиритесь завтра» или «не переживай». Она просто взяла Таню за руку, повела на кухню, усадила на любимый стул у окна, сняла с неё шарф, куртку, повесила на крючок — всё это быстро, по-хозяйски, будто самое главное сейчас — чтобы Таня просто

перестала нести на себе эту тяжесть.

На столе уже стояла чашка с чаем, от которой поднимался лёгкий пар, рядом — тарелка с печеньем. Таня обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам. И вдруг, сама не ожидая, выложила всё: и как вошла в класс, и как села сзади, и как бросила эти злые слова, и как Костя не обернулся, и как потом коротко бросил: «Не надо делать из этого оружие».

Света слушала, не перебивая, только иногда чуть хмурилась или кивала, будто складывала эти кусочки в одну картинку. Когда Таня замолчала, в кухне повисла тишина — но не тяжёлая, как в школе, а мягкая, будто сама квартира шептала: «Ты дома. Тут можно выдохнуть».

— Знаешь, — тихо сказала Света, пододвигая к Тане блюдо с печеньем, — иногда мы говорим злые вещи не потому, что хотим ранить. А потому что сами уже стоим на краю и боимся упасть. И Костя... он ведь тоже не железный. Может, он сейчас сидит где-нибудь, злится на себя, что не нашёл правильных слов.

Таня покачала головой, будто хотела стряхнуть эти мысли, но в глубине души они легли ровно — не как оправдание, а как что-то, что помогает не чувствовать себя совсем плохой.

— Я не хочу, чтобы между нами была эта стена, — призналась она тихо. — Но и подойти первой страшно. Вдруг он правда не хочет со мной разговаривать.

Света чуть наклонила голову, будто подбирала самое точ-

ное слово, и вдруг улыбнулась не по-взрослому, а по-своему, по-сестрински — легко, но так, что становилось чуть спокойнее.

— Тогда не надо сегодня чинить стены. Не надо решать всё прямо сейчас. Давай просто посидим. Попьем чай. А завтра... или послезавтра... или через неделю. Время есть.

За окном темнело, и город зажигался огоньками — сначала робко, потом всё ярче. В витринах магазинов уже горели гирлянды, на фонарях висели снежинки из бумаги, и даже этот холодный вечер вдруг казался не таким колючим.

— А знаешь, что я придумала? — вдруг сказала Таня, чуть оживляясь. — Хочу купить одну игрушку для ёлки. Маленькую, самую простую. Но чтобы она была моя. И когда будем наряжать ёлку, я повешу её первой.

Света тут же подхватила:

— О, это отличный план! А давай я с тобой схожу? Помогу выбрать. Или можем просто гулять, смотреть на огоньки, есть горячий шоколад и вообще ни слова про школу и ссоры.

Таня кивнула, и впервые за весь день в груди стало не пусто, а спокойно — как будто рядом есть кто-то, кто не станет торопить, не станет давить, а просто побудет рядом.

Сестры вышли, когда на улице уже было темно. Разноцветные огоньки освещали их путь, словно показывая дорогу в сказку: они переливались на витринах, мерцали на фонарях, отражались в снежных дорожках. Во дворе всю раз-

влекалась детвора — кто-то лепил снеговика, кто-то кидался снежками, и их звонкий смех будто смывал с Тани весь дневной груз. А чуть в стороне, у подъезда, родители о чём-то спокойно разговаривали, и эти обычные, простые слова — быстро заставили Таню забыть, что днём всё казалось таким безнадёжным.

Она даже начала шутить, рассказывать про свои планы на новогодние каникулы, про то, как хочет проспять до обеда, а потом сразу сесть с мандаринами и старыми фильмами. И тут вспомнила про приглашение Лены.

— Света, а как ты относишься к новым знакомствам? — осторожно спросила Таня, будто проверяя почву.

— Да нормально... Только в новых компаниях я до сих пор чувствую себя неловко, — призналась Света, слегка пожав плечами.

— Даже если с тобой будет родной человек?

— Ну тогда попроще, но всё равно не по себе... А что? — она чуть нахмурилась, будто уже догадывалась, к чему идёт разговор.

— Лена зовёт к себе на Новый год.

Света тут же отвела взгляд, уставившись на мальчишек, которые кидали снежки, потом на разноцветные огоньки, на яркую вывеску магазина — куда угодно, лишь бы не смотреть на Таню.

— Ну сходи, я с твоими родителями посижу, поболтаю, а потом лягу спать. За меня не беспокойся, найду чем себя за-

нять, — сказала она с лёгкой грустью, стараясь звучать бодро.

Таня мягко улыбнулась:

— Ты меня не поняла. Лена очень хочет познакомиться с тобой. Она зовёт нас двоих.

— Таня, ты же знаешь, мне будет некомфортно. Я её даже не знаю, а там ещё и другие люди будут... незнакомые, — Света наконец посмотрела на сестру, и Таня увидела в её взгляде ту самую тревогу — тихую, но настоящую.

— Ты о ней знаешь больше, чем многие, кто там будет. И она о тебе знает очень много. Знает, что ты не любишь новые знакомства и громкие компании. Знает про твоих родителей, про то, как они погибли, упав с обрыва. Знает, что ты живёшь с бабушкой и постоянно приезжаешь ко мне. Да она даже знает, что ты пьёшь и ешь. Я обещаю: если тебе станет не по себе, мы сразу уйдём. Ни споров, ни «побудь ещё пять минут». Сразу.

Света помолчала, будто взвешивая каждое слово, потом тихо сказала:

— Тань, не знаю... Надо подумать.

— Всё будет хорошо, обещаю, — Таня снова улыбнулась и обняла сестру, крепко, но не слишком — так, чтобы Света чувствовала: её не заставляют, её просто ждут рядом.

— Ну не знаю... — но тревога в её взгляде уже потихоньку таяла, уступая место чему-то другому — не то чтобы уверенности, но хотя бы готовности попробовать.

— Никаких «ну», нужен точный... — Таня не успела договорить: в лицо ей прилетел маленький, мягкий снежок.

Она протёрла щёку, уже хотела было строго сказать пару слов, но тут к ним подошёл мальчишка лет восьми. Он стоял, опустив голову, и бормотал, будто себе под нос:

— И... и... извините, я случайно...

Света не смогла сдержать смех — лёгкий, тёплый, совсем не злой.

— Всё нормально, иди играй, — сказала она мальчишке, а потом повернулась к Тане, аккуратно стёрла с её щеки остатки снега и вдруг звонко, почти по-детски, рассмеялась. — Таня, уговорила. Пойдём к твоей Лене. Но только пообещай ещё раз: как только я захочу — мы сразу уходим.

— Обещаю, — Таня обняла её, крепко и просто. — завтра познакомишься с ней

— Этого не было в плане... Я... я не готова, — прошептала Света, но уже не отводя взгляда, а уткнувшись Тане в плечо.

— Всё будет хорошо. Завтра мы идём закупаться — там будет только она и мы. Ты познакомишься с ней спокойно, без толпы. Просто попьёте какао, поболтаете.

Света чуть кивнула, всё ещё не поднимая головы, но уже не прячась.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Ладно. Я попробую.

И они пошли дальше, держась за руки, а разноцветные огоньки по-прежнему освещали им путь, будто шептали: се-

годня можно не быть сильной, сегодня можно просто идти рядом с тем, кто тебя понимает.

Девушки подошли к магазину, и Таня остановилась так резко, что чуть не потеряла равновесие — Света едва успела подхватить её за локоть.

— Таня, аккуратнее! Что случилось? — Света проследила за взглядом сестры, но сначала ничего не заметила: обычный вечерний магазин, яркая вывеска, люди входят и выходят.

— Да так... Знаешь, что я подумала? Давай я завтра куплю игрушку на ёлку. Сейчас мне хочется домой, — быстро проговорила Таня, не глядя на сестру.

Света нахмурилась, пытаясь понять, в чём дело, потом снова посмотрела на вход, и заметила там Костю, потом опять на Таню — и всё поняла.

— Может, вы всё-таки поговорите? — тихо предложила она. И легонько потянула Таню в сторону магазина, будто хотела подтолкнуть не столько к дверям, сколько к решению.

Но Таня упёрлась, замотала головой, отмахиваясь, как от чего-то слишком острого:

— Нет. Я просто забыла деньги дома, а у тебя не хочу просить...

Света ещё раз посмотрела на брюнета у входа, на парня, с которым он разговаривал. Костя будто почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. На секунду его глаза скользнули по улице, будто искали что-то знакомое. Таня в тот же миг

резко отвернулась и потащила сестру прочь, в сторону дома.

— Ну-ну, деньги она забыла... Как же, — тихо усмехнулась Света, но без насмешки — Ладно, пошли в другой магазин.

Таня застенчиво отвела взгляд, уставилась на свои ботинки, на снежную крошку у ног, будто там был самый важный ответ.

— Мы уже не успеем, — она подняла руку, посмотрела на часы, будто они были главным оправданием. — Пошли лучше домой. Попьём какао, посмотрим какой-нибудь новогодний фильм и ляжем спать. Завтра будет тяжёлый день.

Света секунду помолчала, потом кивнула — не потому, что поверила про деньги, а потому что поняла: сейчас Тане нужно не решение, а передышка.

— Ладно, — тихо сказала она, беря сестру под руку. — Домой так домой. Только знаешь... тебе не обязательно всё время быть такой сильной, чтобы не столкнуться с чем-то неприятным. Можно просто сказать: «Я пока не готова». Я пойму.

Таня чуть крепче сжала её руку, будто в этом жесте было всё: и «спасибо, что не заставляешь», и «мне правда тяжело».

— Я знаю, — прошептала она. — Просто сегодня... сегодня просто хочу отдохнуть и посмотреть фильм. Без всего остального.

Они пошли по заснеженной улице, и разноцветные огонь-

ки снова легли им под ноги, рассыпавшись бликами на снегу. Город шумел, где-то рядом снова смеялись дети, кто-то громко звал собаку, но для Тани и Светы этот шум стал чем-то вроде щита — он прятал её смятение, не давал ему стать слишком громким.

Они вошли в квартиру, и их сразу окутал тот самый родной запах — корица, ваниль и чуть-чуть горячего молока. Таня даже зажмурилась на секунду, будто хотела удержать это ощущение: дом, тепло, безопасность.

— Привет, мы вернулись! — крикнула Таня, стягивая шарф.

Из кухни выглянула мама, в фартуке, с мукой на рукаве и улыбкой, от которой сразу становилось спокойнее:

— Ну наконец-то! Щёки у обеих как яблоки. Проходите скорее, отогревайтесь. Сейчас какао сделаю, только печенье из духовки достану.

Света улыбнулась, повесила куртку:

— Спасибо, но можно мы сначала к Тане в комнату? А какао потом заберём, ладно?

Мама кивнула:

— Ладно. Я принесу какао, когда будет готово. И печенье не забудьте.

Таня тихо выдохнула — спасибо Свете, что сказала это за них обеих. Не пришлось самой подбирать слова.

Они прошли по коридору, мимо холодильника, и Света

вдруг остановилась, потянулась к дверце, сняла маленький листок, аккуратно приклеенный скотчем. Это был её детский рисунок: ёлка с кривыми шарами, два человечка, держащиеся за руки, и сверху крупными буквами: «С новым годом!»

— Я и не помнила, что он тут висит, — тихо сказала Света, проводя пальцем по линиям, будто проверяя, настоящие ли они.

— Ага, мама никогда ничего не снимает. Вон там сбоку ещё мой — с Дедом Морозом на велосипеде. Мы тогда спорили, может ли он так ездить, и я решила: «Может, он тренировался».

Света тихо рассмеялась, прижала рисунок к себе на секунду, а потом снова аккуратно прикрепила на место.

— Странно, но от него сейчас как-то... спокойнее. Будто если даже всё остальное разваливается, то этот рисунок всё равно тут. И значит, праздник всё равно будет.

Таня кивнула. Ей не хотелось говорить про ссору, про Костю, про то, как дрожали пальцы, когда она тащила Свету прочь от магазина. Не хотелось снова поднимать эту тяжесть. Хотелось просто сидеть, смотреть на рисунок и знать, что рядом есть кто-то, кто не требует быть сильной.

В комнату заглянула мама, поставила на стол две кружки с какао — в каждой плавали маршмеллоу, а рядом положила тарелку с тёплым имбирным печеньем.

— Вот. Пейте, пока горячее. Если потом захочется еще

чего-то — я тут.

Она тихо прикрыла дверь, и в комнате стало по-особенному тихо: не пусто, а уютно, как бывает, когда знаешь, что тебя не гонят, не торопят, просто ждут, если ты будешь готов.

Таня обхватила кружку ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам.

— Знаешь, — тихо сказала она, глядя не на сестру, а куда-то в сторону, будто подбирая слова, чтобы они не звучали слишком громко, — если завтра ты не захочешь никуда идти — всё нормально. Можем просто тут сидеть, вырезать снежинки, смотреть фильмы, есть печенье. Без Лены, без магазинов, вообще без всего.

Света посидела, прижимая к себе кружку, будто она была маленьким щитом. Потом подняла глаза:

— А если я захочу пойти... но только если ты будешь рядом?

— Буду, — Таня мягко улыбнулась и накрыла её руку своей. — Всегда.

И этого «всегда» хватило, чтобы в груди больше не было той колючей тяжести. Не потому что всё стало легко, а потому что теперь она знала: она не одна.

За окном тихо падал снег, фонари зажигались один за другим, а в комнате пахло корицей, какао и тем самым особенным уютом, который бывает только дома.

Предновогодня суета

Это предпраздничное утро началось с яркого солнца — будто сама природа решила: хватит хмурых дней, пора готовиться к празднику. Лучи ложились на стены, на подушки, на стопку учебников в углу, и даже комната казалась светлее, чем вчера.

Огромные снежинки в свете солнечных лучей медленно падали на подоконник, складываясь в небольшие сугробы. Таня приоткрыла окно на самую щёлочку — только чтобы впустить этот морозный, звенящий воздух.

Света ещё спала, свернувшись клубочком под пледом, только рыжие пряди выбивались наружу и будто светились в солнечных лучах. Таня улыбнулась и тихо, чтобы не разбудить, села на край кровати, подтянув колени к подбородку. В груди всё ещё жила вчерашняя тяжесть, но сегодня она не давила так сильно — скорее сидела где-то сбоку, тихая, будто тоже решила дать передышку.

Из кухни доносился тихий стук чашек и мамин голос — она что-то напевала себе под нос. Потом дверь приоткрылась, и мама заглянула, держа в руках кружку:

— Ну что, первая проснулась? Вот, какао. Еще теплый

— Спасибо, — Таня взяла кружку, вдохнула этот уютный запах и вдруг почувствовала, как внутри становится ровно. — А Света пусть еще поспит.

Мама кивнула, присела рядом на край кровати:

— Знаешь, перед праздником всегда столько всего крутится в голове. И хорошее, и тревожное. Но праздник — он не про то, чтобы быть идеальной. Он про то, что можно просто быть.

Таня чуть наклонила голову, будто проверяла, правда ли эти слова ложатся ровно, и поняла — правда.

— Да, — тихо сказала она. — Сегодня мне хочется просто быть.

Через какое-то время Света всё-таки зашевелилась, потянулась, открыла глаза и сначала будто не поняла, где она, а потом увидела Таню у окна, кружку на тумбочке, солнце на полу — и улыбнулась:

— Тут так светло... Даже думать легче.

— Ага, — Таня подвинулась, освобождая место. — Садись. Какао еще теплое.

Света села, завернулась в плед, взяла кружку обеими руками, помолчала, а потом тихо сказала:

— Я... я сегодня хочу попробовать. Ну, сходить за покупками. И познакомиться с Леной. Если ты будешь рядом.

Таня кивнула, не делая из этого большого подвига, просто как будто это самое обычное дело:

— Буду. Мы просто пойдём, посмотрим на гирлянды, попьём горячий шоколад, и если тебе станет не по себе — сразу домой. Без вопросов.

Света чуть крепче сжала кружку, будто набиралась сме-

лости из этого тепла, и снова посмотрела на окно, на падающие снежинки, на то, как солнце рисует на стекле золотые дорожки.

— Ладно, — прошептала она, и в этом «ладно» было не столько уверенности, сколько готовности попробовать. — Давай попробуем.

По торговому центру ходили толпы людей, всматриваясь в новогодние витрины. Кто-то из малышей тянул родителей в магазин игрушек — и на глазах у ребёнка вот-вот готовы были проступить слёзы: «Ну пожалуйста, это же последний подарок!»

Дети постарше замирали у окна кофейни: бариста будто не просто наливал кофе, а устраивал настоящее новогоднее представление — рисовал на пенке снежинки и оленей, ловко подбрасывал питчер¹

¹ Специальный металлический сосуд, который используют вместе с кофемашиной для взбивания молока паром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.